

Янка Лучина¹

ВЕСНА

Бают люди: «Весна!» —

пишет так календарь.

Кто ж признает ее, коли сыплется снег?

Зря хозяин соху ладит в снежную хмарь,

Да и аист-чудак прилетел, как на смех.

Журавли к нам летят —

звонок горний размах,

Объявился кулик, чайка пробует прыть...

Только север как дул, так и дует в полях,

Гул по лесу идет: «Еще солнцу не быть!».

Ой ты, доля моя! Ты как эта весна:

Не найдешь, не придешь, хоть давно и пора!

Стопку горькую пью, как и раньше, до дна,

И не светит звезда, и сто лет до утра...

Отзовись — где ты, где? За тобою пойду

На край света искать — у какой ты межи!..

Отзовись соловьиною трелью в саду,

Ясной звездочкой глянь! —

Где ты, доля, скажи!

¹ **Янка Лучина**, настоящее имя Иван Люцианович Неслуховский (1851–1897) — поэт, переводчик, фольклорист. Сб. лирики «Вязанка» (1903) и др.

РАЗЛАД

Куда ни глянешь — люди, люди,
Куда ни глянешь — шельмы, шельмы,
Куда ни глянешь — лупят в груди
И пучат праведные бельма.

Один крадет — богатства множит,
Другой бредет — бедней собаки.
Беду нажить-то всякий может,
А избежит ее — не всякий.

Ослу с мошной, набитой туго,
Лев лижет мерзкие копыта.
Мрут люди под кровавой вьюгой
И у крестов, тоской разбиты.

Добро и зло — не иноверцы,
Свинья в святые думы прется,
Ужаки ползают по сердцу,
Душа валяется в болотце.

Метет хвостом своим нелепо
Судьба, как сучка-пустомеля.
Одних она пихает в склепы,
Других — скликает на веселье.

Неправда правду обуяла,
Облюбовав людские спины,
И человек — ком гною, сала,
Живет и гибнет, как скотина.

Один черт весел, зубы скалит,
Не закрывает в ад ворота.
Рад, шельма: с ведьмой польку валит,
И весь разлад — его работа!

Я ВИДЕЛ...

Я видел, как ветер по полю гулял,
И землю взрывал, и березку склонял,
Пески нес на травы, цветы луговые
И ветки ломал у березки живые.

² Янка Купала, настоящее имя Иван Доминикович Луцевич (1882–1942) — поэт, переводчик, драматург, публицист. Классик белорусской литературы. Народный поэт БССР. Академик АН БССР и АН УССР.

Я видел, как ястреб голубку забил,
И выклевал сердце, и кровь ее пил;
Разнес ветер перья и кости небрежно,
А голубь стонал, ворковал безутешно.

Я видел несчастную душу одну:
Девчонка бежала, нырнула в волну,
И ветер разгладил поверхность речную,
Лишь ольхи шумели, предательство чуя.

Я все замечал — и душою терпел,
С весельем расстался и песен не пел,
И плакал, и плакал слезами ребенка,
Один — над березкой, голубкой, девчонкой...

Кондрат Крапива³

ОСЕЛ ИИСУСА ХРИСТА

Байка

Когда въезжал Иисус Христос
Во Иерусалим,
Осел Его прилежно вез,
Толпа влеклась за Ним.
Кричал «осанна» в похвалу
Спасителю народ,
И в голову пришло Ослу,
Что все наоборот:
«Сей путь, одетый в лепестки, —
Он думал, — только мне».
Ступал, не ведая тоски.
И счастлив был вполне.
Пока на нем Иисус Христос
По свету кочевал,
Повсюду был Ослу овес
И свежая трава.
Когда ж Отец Свое Дитя
Призвал на небеса,
Не стало тут Ослу житья —
Ни славы, ни овса.
Обласкан был толпой людской —
И вот он, эпилог:
Возил он воду день-деньской,
Жевал чертополох.

³ **Кондрат Крапива**, настоящее имя Кондрат Кондратович Атрахович (1896–1991) — писатель, поэт, драматург, переводчик, литературовед, сатирик, общественный деятель. Доктор филологических наук, академик АН БССР, народный писатель БССР. Лауреат многих премий. В период Великой Отечественной войны — литературный сотрудник газеты Политуправления Брянского фронта «За Савецкую Беларусь» (осенью 1941 года редакция газеты находилась в Воронеже).

И грустно он махал хвостом,
И думал грустно в такт:
«Когда трудился я с Христом,
Кружился мир не так...».

Петрусь Бровка⁴

КАК ЛИСТ ДУБОВЫЙ...

Не страшен мне
Путь беспощадный —
Ни бури гул, ни вьюги свист, —
За жизнь я ухватился жадно,
Словно за ветвь
Дубовый лист.

По осени,
Медяный, дюжий,
Меж хмурой стыни он горит...
Трясут его ветра и стужи,
А он одно в ответ —
Звенит.

Когда зимой
Метель играет
И злобно щерится мороз,
Он, как ладонью, прикрывает
Ту ветвь родную,
Где пророс.

И только в ясный день
Весенний,
Когда возрастает все вокруг,
Перед зеленым в умиленьи
Тихонько падает он вдруг.

Максим Танк⁵

Я ПОМНЮ

Я помню обычай старинный:
Кого на погост провожали,
Все самые верные вещи
Покласть в домовину решали.

⁴ **Петрусь Бровка**, настоящее имя Петр Устинович Бровка (1905–1980) — писатель, поэт, переводчик, драматург, публицист, общественный деятель. Народный поэт БССР, академик АН БССР. Лауреат многих премий. В период Великой Отечественной войны — литературный сотрудник газеты Политуправления Брянского фронта «За Савецкую Беларусь».

⁵ **Максим Танк**, настоящее имя Евгений Иванович Скурко (1912–1995) — поэт, переводчик, государственный деятель. Народный поэт БССР, академик АН БССР. Лауреат многих премий. В период Великой Отечественной войны — литературный сотрудник газеты Политуправления Брянского фронта «За Савецкую Беларусь».

Оратаю — зерен лукошко,
Стрельцу — рог, что будит дубровы,
Певцу — и жалейку, и бубен,
А гвоздь — кузнецу, да подкову;

Швецу — и гребенку, и дратву,
А коль винокур — ковш-криницу,
Чтоб им не с пустыми руками
К Апостолу рая явиться.

Кладите же мне в час разлуки
Перо и чернильницу, дети,
Чтоб мог написать вам оттуда,
Чем люди живут на том свете.

СЧАСТЬЕ

Счастье простое людское,
Так же, как наше с тобою,

Складывается из соли,
Из многохлебного поля,

Из многоверстного пота,
Из синевы небосвода.

Мир наш — из дружбы и песен,
Смерти противится весь он,

А растеряй эти части —
Разве получится счастье?

Пимен Панченко⁶

СТОЯЛА ТУЧА

Стояла туча в долгой дрлме
Над житом спелым.
От первого удара грома
Аж почернела.

Гром покачнул ел, и стронул,
И двинул жито.
Повеяло тяжлым, сонным
И пережитым.

⁶ **Панченко Пимен Емельянович** (1917–1995) — поэт, переводчик, публицист. Народный поэт БССР, лауреат многих премий. В период Великой Отечественной войны — литературный сотрудник газеты Политуправления Брянского фронта «За Савецкую Беларусь».

С тобой бродил, рассвет встречая...
Теперь из сосен
Смотрю, как молния чужая
Дождь белый косит.

ИХ ВЕЧНЫЕ ОГНИ

К несчастью может притерпеться каждый,
Но не они,
Нет, только не они...
Горит костер, поднявшийся однажды
На том далеком берегу войны.

Взойдет ли день иль скатится с крылечка,
Среди великой тишины одни,
Седые матери в старинных печках
Поддерживают вечные огни.

Заря встает под сводами печными,
Как будто в небе и по всей земле.
За окнами — бредут часы ночные,
А при огне спокойней и теплей.

Все приготовят, тяжело подышат,
И сидя ждут, пока не грянет день.
И никого, кроме детей, не слышат...
То шепчет пламя, разгоняя темь.

И огненные ленты вьются, скачут,
Встают ребята из небытия.
Их матери целуют, тихо плачут
И не клянут пустынного житья.